

7. Murav'ev M.N. Stihotvorenija. 2-e izd. L.: Sov. pisatel', 1967.

8. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. M.–L.: AN SSSR, 1949.

9. Sel'skaja usad'ba v ruskoj poezii XVIII – nachala XIX veka. M.: Nauka, 2005.

Meanings of the “dream” in Russian poetry of the end of the XVIII – the first third of the XIX century: mutual generations, collisions and corrections

The article deals with Russian sentimentalism. The author looks upon the poetic “dream” which at first leads away from the illusory earthly life, but, having received cognitive functions, returns to life again. The author claims the idea of the flight of the “dream” in romanticism connects the poet with other national poetic chronotopes. The same logic is used in Anacreontics where the poet realizes the “native” nature as a national spiritual “soil”. Departure from life and inclusion into it suggest each other.

Key words: *dream, poetry, flight from the world, self-deception, cognition, ancestral home, national spirituality.*

(Статья поступила в редакцию 24.09.2018)

Л.Н. САВИНА
(Волгоград)

**ОТРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ»
В РАССКАЗЕ Б.П. ЕКИМОВА
«ТЕЛЕНОК»**

На материале рассказа Б.П. Екимова рассматривается отношение взрослых и детей к нарушению нравственных норм жизни и преодолению греха как пути к Божественному всеединству.

Ключевые слова: *преступление, наказание, образ ребенка, символика.*

Современная литература, являясь своеобразным воплощением общественной мысли, продолжает развивать актуальные проблемы, которыми «переболела» русская словесность XIX–XX вв. Как и прежде, широкий резонанс вызывает спор об источниках и по-

следствиях совершаемых людьми преступлений, понимаемых не только в юридическом, но и в философско-религиозном и нравственном смысле. Несомненно, актуализация данной проблемы обусловлена постперестроечным процессом, кризисом народного самосознания, когда «треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и *стерлись* определения и границы добра и зла...» [2, с. 7], «все обрушилось» (Б.П. Екимов).

Однако с религиозно-философской точки зрения поиск пути к Божественному всеединству извечен, поскольку для того, чтобы человек мог беспрепятственно воплотить в жизнь свои идеалы, ему нужно быть выше мира, а между тем он связан с ним «всеми условиями своего наличного существования» (В. Несмелов). «Поэтому столкновение между устройством жизни по идеальному образцу и жизнью действительной неизбежно. В философском аспекте данная проблема рассматривалась отечественной литературой как антиномия свободы и необходимости, в тайне соединения которых и состоит “непостижимая сущность жизни” (Л. Толстой)» [5, с. 94].

Особый интерес в плане исследования ситуации «преступления и наказания» представляют рассказы и повести Б. Екимова, в которых писатель предпринимает попытку осмыслить этот процесс через преломление его в сознании ребенка. Изначально мир его маленьких героев целостен, в нем нет места нравственному страданию и греху как проявлению злого начала. Но персонажи-дети существуют в миру и, следовательно, становятся свидетелями преступлений и наказаний, которые происходят в обществе взрослых.

С подобной ситуацией сталкивается и юная героиня рассказа Б.П. Екимова «Теленок». Развивая традиции «психологического письма», писатель показывает «рост сознания» ребенка, «открывшего несовершенство человеческих отношений. Гармония его духовного мира вследствие этого нарушена. Он видит, что гармонии нет и в устройстве всей жизни людей. Понимание того и другого доставляет ему тяжкие душевные страдания» [1, с. 358]. Анализируя процесс преступления и наказания, Б.П. Екимов пытается уловить мгновение, когда в душе человека, большого или маленького, просыпается голос совести и сострадания, «показать, как живет, заслоняется или, наоборот, пробуждается и за хором гетероном-

ного или верхнего слоя, тихо или громко, звучит голос “натуры”, живой искренности» [6, с. 146].

Действие рассказа «Теленок», протекающее в двух пространственных сферах, подчеркивается кольцевой композицией повествования, которое открывается описанием «зимней полночи», механистичного, враждебного человеку городского пейзажа. В этом мире «дома безглазо темны», щелкают «ненужные зраки светофоров», даже цветовая гамма окрашена в зловеще-красный и мертвенно-зеленый цвета. Не случайно так стремятся вырваться из пут городского мрака на простор вольной деревенской жизни рыбаки и охотники. Уже в машине, покидающей спящий город, мужчины начинают «веселое толковище». Предвкушая «погружение» в атмосферу природной жизни, они ощущают незримую кровную связь с прошлым, детскую радость от новых снастей, которыми непременно нужно похвастаться. Неповторимый мир воспоминаний возникает и у девочки, уговорившей отца взять ее с собой на хуторское раздолье. Екимов не называет ее имени, в данном случае автору важна не индивидуальность личности ребенка, а природная детская сущность героини рассказа. Мир девочки окутан сказочной аурой, в которой есть место и зимнему лесу, и замерзшей реке, и чудесной старушке, напоминающей добрую бабу-ягу. Ребенок живо представляет себе теплую избушку на курьих ножках, в которой живут, спасаясь от стужи, три кошки и малые козлята, а вскоре должен появиться на свет теленок, с бархатной шерсткой и большими синими глазами с длинными ресницами. Девочка уже представляет, как он тычется, словно дитя, горячим носом и говорит: «Му-у-у...». Противостояние холода и тепла в рассказе Б.П. Екимова символично. Оно ассоциируется с холодом человеческих отношений, в городе поддерживаемых редкими телефонными звонками, и с теплом деревенского мира, центром которого в глиняной хатке становится горячая печь, согревающая все живое.

Однако свет и тьма, мечта и действительность в художественном мире писателя несовместимы, поэтому сладкий сон-ожидание встречи с заветным теленком, который видит девочка, сменяется страшной зарисовкой-явью. Не случайно именно в это же предрасветное время совершается убийство коровы и ее еще неродившегося сына. Сказочному пространству всего живого в рассказе противопоставит жестокий мир братьев Репиных. Формально Анатолий, старший из братьев, по прозвищу Репа, усвоил нехитрые правила человеческо-

го общежития. Он должен «как надо» встретить вернувшегося из армии младшего, поэтому и устраивает застолье с водкой и молодыми веселыми девками. Но, когда заканчиваются питье и угощение, хозяин дома, не задумываясь, решает украсть корову, чтобы «дембелю удовольствие доставить». Анатолий «помнит» и о родителях: голову и ноги украденной коровы он планирует отдать матери. Однако старший Репин лишен главного – он не способен различить границу между добром и злом. Этому герою Екимова жизнь кажется простой, как пареная репа (по-видимому, неслучайна и символическая переключка его прозвища с этим немудреным овощем). Анатолий давно уже убедился в праве сильного на установление «своего порядка», неоднократно в его речи звучит уверенное «имеешь право», правда, он относит эти слова лишь к себе. Отправляясь за чужой коровой, старший брат полон злости и решимости и готов преодолеть любые препятствия на своем пути. Подобно волку, он способен видеть в ночной тьме без всяких фар и находить дорогу к чужому сараю по памяти, да и описание его одинокого жилища, с тряпьем и драными одеялами, напоминает собой волчье логово.

Совсем не похож на него младший – Михаил, опьяненный не столько вином и самогоном, сколько свободой, волей. Отметим, что довольно часто в деревенском быту телят именовали Мишками. И само имя, и детали внешнего облика сближают вчерашнего солдата с теленком. Светловолосый, голубоглазый, он и в армии тоскует о корове, к которой привык с детства. Преданно, по-телячьи, относящийся к старшему брату, Михаил живет, как во сне, не ведая, что творит, поэтому и ночная поездка, и само воровство кажутся ему пленительным и увлекательным путешествием. Однако пейзаж свидетельствует об ином: в мире царит «вязкая ночная тьма», ибо братья, погруженные мыслями и делами в профанное, телесное, земное, не поднимают глаза к небу. Вот и приходится звездам, ярким, словно самоцветы, «сиять лишь для себя». Однако ночь проходит, и встает над хутором «большое, чуть не в тележное колесо, малиновое солнце», прогоняя тьму и преображая мир, окрашивая его в нежный розовый свет. И все вокруг словно сказка: «розовые снега на окрестных холмах, розовые столбы печных дымов, розовая опушка иная на деревьях, заборах, кустах, стайки розовые снегирей» [3, с. 120].

Именно эту утреннюю картину наблюдает городская девочка. Однако вскоре сказка сменяется былью: видом опустевшего база и горько плачущей бабушки-старушки, у кото-

рой украли корову. Не осознавая случившегося, сердцем чувствуя беду, ребенок не может логически объяснить жестокость мира взрослых. Девочка не понимает, как можно украсть и зарезать на мясо корову, носящую человеческое имя – Маня. И главное – погубить теленка, которому, как всякому малышу, нужно материнское тепло. Разум отказывается принимать произошедшее, ребенку хочется верить, что отыщется корова Маня, как нашелся пудель Маркиз, сам вернувшийся к городскому подъезду.

Но святая и наивная вера девочки отнюдь не разделяется взрослыми людьми, которые не привыкли надеяться на чудо. Мужчины готовятся к своей «охоте»: на поиски ночного вора они выходят с ружьями. А когда «чутьистый» пойнтнер приводит их по коровьему и человеческому следу к дому Репиных, следует и заслуженное наказание, которого явно не ожидали братья. Крики старшего Репы «не имеете права» заглушают крепкие удары дубиной, прикладами, тычки под зад – и вот уже уткнулся человек-волк мордой в снег. Апелляция к милиции, о которой вспомнил старший из братьев, не помогает. Поскольку власти бездействуют, люди, вспомнив старые обычаи, вместо иллюзорного судилища, отпускающего преступников «на подписку», наказывают их стыдом, обжигаяще ледяным крещением и всенародным позором. С трезвоном, колотя в пустые кастрюли, ведут виновных по хутору, украсив их ночными «доспехами»: головой и шкурой коровьей да мертвым теленком, выданным из чрева матери.

По-разному реагируют на наказание братья: старший, Анатолий, не раскаиваясь в воровстве и не испытывая стыда, «зырит по сторонам, надеясь на случай». Младшему же все происходящее кажется дурным сном, ему хочется поскорее проснуться, избавиться от страшных видений, поэтому порой и вырывается из его груди тонкое: «Ма-ама...». В ледяной полынье «крестят» воров, вразумляя и направляя их на путь истинный. Хуторские толки взрослых отражают всю гамму эмоций, возникающих у тех, кто наблюдает за происходящим. Одни оправдывают строгость наказания, апеллируя к народной мудрости (так и учить, вдвое кнут ссучить; воля и меды пьет, и кандалы кует, сколь веревочке ни виться) и старинным обычаям, когда казаки расправлялись с ворами домашними средствами: «плетью так освежают, что больше свежатинки не захочешь. До смерти зарекаешься» [3, с. 125]. Другие – жалеют старушек, оставшихся без коров и овец по милости братьев, страдают родители преступников, «какими слезами ре-

веть» им предстоит! Думают и о своих ребятах: нет работы в колхозе, мыкайся без дела, неизвестно, по какой дорожке молодые пойдут. И лишь один голос оправдывает «репанцев», упоминая о том, что «сроду они глупомордые, а как выпьют – совсем дураки». Обратим внимание на семантику фамилии братьев: иронически характеризуя их, хуторяне употребляют созвучное фамилии Репин диалектное слово *репанцы*, подчеркивая не столько необразованность воров, сколько незнание ими норм человеческой жизни, нравственных правил*.

Однако случайно попавшая в толпу зрителей девочка воспринимает сцену наказания иначе, нежели взрослые. Восстановление справедливости, оправдываемое окружающими, кажется ей жутким зрелищем. Обомлев, глядит ребенок на останки коровы и на неживого теленка, и рядом с коровьей возникает видение человеческой головы: «мальчишеское лицо, омытое, без крови и грязи, синие глаза, светлые волосы мокрыми прядями. А в глазах – изумление впервые увидевшего белый свет и людей. Через сведенные холодом синие губы пробилось тонкое: “Ма-а-а...”».

“Му-у-у...” – послышалось девочке, и она бросилась на помощь.

– Теленок!! – кричала она. – Теленок!! – падая на колени возле черной воды и обхватывая руками мокрую, но живую голову.

Девочку подхватил на руки отец. Потом, в машине, лежа на сиденье, она стала плакать. Плакала и пыталась подняться, увидеть, что там, за машинным стеклом, на льду, возле проруби.

...Отцовские руки, его лицо рядом, его голос. ...И девочка ожила, спросила: “Его спасли? Ну, тогда поедем отсюда. ... Скорее!.. Поедем домой. Домой поедем?” [3, с. 126].

Конечно, этот эпизод напоминает сон Родиона Раскольникова, героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», о маленьком мальчике, бросившемся защищать бедную лошадку, избиваемую озверевшей толпой. Только ребенок оказывается способен на индивидуальный бунт, пытаясь противопоставить жестоким законам мира взрослых призыв к состраданию. Знаменательно, что девочка замечает в проруби только одного из братьев – младшего, заблудшего Мишку. Символично и то, что события рассказа приурочены к январским крещенским дням, напоминающим о том, что, по учению Святой Православной Церкви, покаяние является вторым

* Репанец – (презрит. или ирон.) необразованный человек [7, с. 515].

крещением. Именно покаяние, последний дар милости Божией для спасения грешника, может духовно возродить младшего Репина, спасти его от вечного осуждения. Возможно, наказание пробудит в душе Михаила страх Божий, ведь не «всякий страх есть начало премудрости, а только *страх Божий*... Если человек достигнет до той нравственной высоты, что станет бояться лишь только одного Бога, то это значит, что он боится одной своей собственной совести и больше ничего в мире не боится. Осталась ли совесть в своем естественном состоянии, раскрыта ли она учением откровения, во всяком случае, она для человека *голос Божий*, и если человек, не вникая никаким угрозам и приманкам света, начинает внимательно прислушиваться к этому голосу, то и открывает в нем источник премудрости, т. е. нравственности» [8, с. 143]. По мнению Е.К. Холодковой, называвшей воровство одним из наиболее распространенных в России пороков, «русский человек всегда готов взять то, что “плохо лежит”, даже если это не принадлежит ему. Но в русской душе живет интуитивное ощущение дьявольского в этом пороке, ведь христианская мораль гласит: “Не кради. Не желай ничего, что у ближнего твоего”» [9, с. 43].

Разумеется, вопрос о правомерности наказания – один из самых сложных и в юриспруденции, и в области нравственного чувства. С одной стороны, в эпоху произвола и бездействия властей люди вынуждены защищать себя сами, восстанавливая при помощи самосуда поруганную справедливость. С другой стороны, попытка судить только по поступкам, не вдаваясь в суть дела, приводит к тому, что в одной проруби оказываются и матерый «волк» Анатолий Репин, и не ведающий того, что творит, «теленочек» Миша Репин, то доверчиво внимающий старшему брату, то в беде зовущий на помощь маму. Наказывая тело, не следует забывать и о том, что человек «во время земного странствия имеет великую возможность изменить качества своей души, духовно переродиться посредством покаяния... И пока душа пребывает в теле, для человека всегда открыт путь покаяния, а значит, и спасения» [4, с. 268].

Ситуация, воссозданная в рассказе, не может оставить равнодушным читателя. Стремление Б. Екимова сказать всю жестокую, но необходимую правду о нашем настоящем, обращенность к вечным вопросам бытия, беспощадность авторских оценок свидетельствуют о неповторимом своеобразии его писательского почерка. Автор верит в возрождение души

человека, пусть даже и падшего в силу собственной слабости или жизненных обстоятельств. Он уверен в том, что покаяние и страдание способны изменить мир: и тогда после холода и тьмы навстречу человеку тепло засверкают вечерние огни и разноцветные гирлянды города, дружелюбно подмигнут светофоры, «открывая машинам и людям дорогу к дому, к свету» [3, с. 127]. Ведь только на прочном фундаменте добра и совести, благородства и честности, иными словами, на фундаменте общечеловеческих ценностей, усвоенных не умозрительно, но плотью души, сердцем и разумом, может состояться человек.

Список литературы

1. Бурсов Б.И. Избранные работы: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 16.
3. Екимов Б.П. Под высоким крестом. Волгоград: Издатель, 2008.
4. Иоанн (Маслов), схииеримандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет / схииеримандрит Иоанн (Маслов). М.: Самшит-издат, 1995.
5. Савина Л.Н., Самостьева М.В. Изучение творчества Б.П. Екимова в школе: учеб.-метод. пособие. Волгоград: Издатель, 2013.
6. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М.: Худож. лит., 1972.
7. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
8. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания // Его же. Собрание сочинений: в 11 т. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1950. Т. 8.
9. Холодкова Е.К. Концепция национального характера в прозе В.П. Астафьева, В.Г. Распутина и Б.П. Екимова 1990-х – начала 2000-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

* * *

1. Bursov B.I. Izbrannye raboty: v 2 t. L.: Hudozh. lit., 1982. T. 1.
2. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. L.: Nauka, 1976. T. 16.
3. Ekimov B.P. Pod vysokim krestom. Volgograd: Izdatel', 2008.
4. Ioann (Maslov), shiarhimandrit. Svjatitel' Tihon Zadonskij i ego uchenie o spasenii. Stat'i raznyh let / shiarhimandrit Ioann (Maslov). M.: Samshit-izdat, 1995.
5. Savina L.N., Samost'eva M.V. Izuchenie tvorchestva B.P. Ekimova v shkole: ucheb.-metod. posobie. Volgograd: Izdatel', 2013.
6. Skaftymov A.P. Nrvstvvennye iskanija russkikh pisatelej. M.: Hudozh. lit., 1972.

7. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. prof. R.I. Kudrjashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd: Izdate!, 2011.

8. Ushinskij K.D. Chelovek kak predmet vospitanija // Ego zhe. Sobranie sochinenij: v 11 t. M.: Izdvo APN RSFSR. 1950. T. 8.

9. Holodkova E.K. Konceptija nacional'nogo haraktera v proze V.P. Astaf'eva, V.G. Rasputina i B.P. Ekimova 1990-h – nachala 2000-h gg.: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009.

~~~~~

Reflection of the situation of «crime and punishment» in the story «Calf» by B.P. Ekimov

The article presents the analysis of the material of the story «Calf» by B.P. Ekimov. The author considers the attitude of adults and children to the violation of moral standards of life and overcoming sin as a path to divine unity.

Key words: *crime, punishment, image of a child, symbolism.*

(Статья поступила в редакцию 16.10.2018)

О.О. ПУТИЛО
(Волгоград)

**ТОПОЛОГИЯ
ВЫМЫШЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
«БАКЛУЖИНСКОГО ЦИКЛА»**

Рассматривается топология вымышленной Суловской области, ключевого допущения «Баклужинского цикла» волгоградского фантаста Е. Лукина. В процессе исследования географических образов прослеживается тенденция к их неомифологизации, делается вывод о подчинении хронотона произведений целям сатиры.

~~~~~

Ключевые слова: *пространство, топос, Лукин, мифологизация, Баклужинский цикл.*

Фантастические произведения, входящие в «Баклужинский цикл» волгоградского писателя Е. Лукина, объединяет общее допущение – пространство бывшей Суловской области, одного из регионов Российской Федерации, который обрел независимость в 2017 г.

после распада страны. Еще через 24 года на ее территории возникают отдельные государства: Баклужино, Лыцк, Сулов, Сызново, Гоблино, Понерополь и т. п. Территориально область расположена в Нижнем Поволжье, о чем читатель узнает не только по характерным природным пейзажам – степям и лесополосам, но и по эпизодическим упоминаниям Волги, Астрахани и Царицына, в котором «тамошний мэром личным распоряжением приостановил в черте города действие закона о сохранении энергии... Нашел, понимаешь, лекарство от энергетического кризиса! Всем мегаполисом в черную дыру загремели – шутка?» [4, с. 31].

Сближение с реальными географическими объектами уже отмечалось критиками, отождествлявшими этот вымышленный мир с «уменьшенной моделью России и своего рода сказочной утопией одновременно» [3]. Действительно, в цикле есть место и для природных объектов, и для рукотворных топосов. Среди первых больше всего внимания уделяется рекам, находящимся в иерархическом подчинении, что подчеркивает структуру самой Суловской области: Ворожейка (на берегу которой стоит Баклужино) впадает в Чумахлинку, а та – в Сула-реку (у которой расположился бывший областной центр – Сулов), приток Волги, главной российской реки. Ключевая река в этой фантастической реальности – Чумахлинка – протекает между извечными соперниками – Лыцком и Баклужино, а потому в первую очередь «осмысливается как граница, разделяющая природное пространство на “свое” и “чужое”. Местность за рекой изображается <...> как мифическая страна или потусторонний мир» [1, с. 417], поэтому лыцкий беженец, домовой Анчутка, так мечтательно наблюдает за «чужим» баклужинским берегом, предстающим в его глазах странной свободой: «Оба берега Чумахлинки располагались примерно на одном уровне, и тем не менее все обозримое пространство, принадлежащее Лыцку, было затоплено, съедено водой, в то время как баклужинская территория лежала сухая и теплая <...> Беженец затосковал и с надеждой поднял глаза на противоположный берег. Там за полосатым шлагбаумом вызывающе безмятежно прогуливались молодые люди в голубеньких рубашечках с короткими рукавами, в разномастных брючках, все без оружия. Улыбчиво жмурясь, они подставляли гладкие физиономии ласковому солнышку и вообще наслаждались жизнью» [4, с. 10–11].